

Гумерова Анна Леонидовна

gratia4@yandex.ru

89169109984

Карел Чапек.

Письма из Англии

Английский парк

А самое прекрасное в Англии – это деревья. Конечно, есть еще английские лужайки и полицейские, но лучше всего – деревья, старые, ветвистые, раскидистые, свободные, солидные, огромные деревья. В Хэмптон-корте, Ричмонд-парке, вокруг Винздорского замка - деревья повсюду. Наверное, деревья и создали этот типично английский консерватизм. Они поддерживают аристократические чувства, ощущение истории, консервативность, приверженность к традициям, гольф, палату лордов и все такое прочее странное и старое. Я бы был страстным лейбористом, если бы жил на улице Железных Балконов или Серых Кирпичей – но здесь, сидя под английским дубом в Хэмптон-парке, я неожиданно почувствовал естественное стремление признавать ценность старых вещей, высокое предназначение старых деревьев, гармоничное богатство традиций и все, что сохранилось и прошло сквозь века.

Пожалуй, в Англии много таких древних деревьев: почти во всем, что тут можно встретить – в клубах, в книгах, в домашних делах — есть что-то вроде древесины и листьев многовековых, важных, очень солидных деревьев. Ничего нового нет – разве что метро, но оно отвратительно. Зато в старых деревьях и вообще старинных вещах прячется лукавый дух экстравагантности и юмора: этот же дух обитает и в англичанах. Они ужасно важные, солидные, степенные – но вдруг в них вспыхивает что-то гротескное, кусочек многовекового юмора, и вот они снова выглядят солидными, как старые кожаные кресла: может быть, их тоже сделали из старой древесины.

Не знаю, поэтому ли, но эта рассудительная Англия кажется самой сказочной и мечтательной из всех стран, которые я видел. Пожалуй, из-за старых

деревьев. А может, и из-за газонов. В Англии ходят не по тропинкам, а по газонам. Мы привыкли ходить только по тропинкам и дорожкам: и это на самом деле очень влияет на нас. Когда я впервые увидел джентльмена, который шел прямо по газону в Хэмптон-парке, я подумал, что он из сказки, хотя и носит цилиндр, и что он сейчас поскачет верхом на олене в Кингстон, или начнет танцевать на лужайке, или, в конце концов, придет сторож и отругает его. Но ничего из этого не произошло, и тогда я тоже решился пройти по траве к тому самому английскому дубу, под которым — на очень славной лужайке — я сижу с самого начала этого письма. Но и тогда ничего не произошло: и я до сей поры не чувствовал такой безграничной свободы. И очень важно: в Англии нет нашей печальной уверенности, что человек — что-то вроде вредного животного, которое непременно вытопчет своими копытами траву. Он может ходить по газону, как сказочная русалка или помещик в своих владениях. Я думаю, что это влияет на его мировоззрение: человек может ходить не только по дорожкам, не считая себя себя хулиганом, вредителем или анархистом.

Обо всем этом я думал, сидя под дубом в Хэмптон-парке, пока сидеть на корнях не стало слишком жестко. Прилагаю к письму рисунок. Это английский парк. Я хотел нарисовать оленя, но не помню, как он выглядит.